

УДК 94(476)«18/19»

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧИНОВНИКОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1864–1914)

А.Д. КУЗЬМИН

(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматриваются правовые нормы формирования чиновничьей семьи во второй половине XIX – начале XX века. Принципиальным отличием для государственных служащих была необходимость в получении разрешения начальства на вступление в брак. Выявлен возраст, в котором чиновники предпочитали создавать семьи. Определены факторы, влиявшие на выбор брачного партнёра. Представлены данные о количестве детей в семьях государственных служащих белорусских губерний. На конкретных примерах показаны причины и способы расторжения брака. Сделан вывод о существовании в среде чиновников особой модели брачного поведения.

Введение. Обращение современной отечественной исторической науки к проблемам социокультурного развития белорусского общества становится всё более актуальным. Чиновничество являлось неотъемлемой частью социальной структуры общества рассматриваемого периода. Чиновник был значительной фигурой в провинции, являлся официальным проводником государственной политики. Успешная работа государственных учреждений во многом зависела от психологии и образа жизни людей, в них служащих, сословной принадлежности чиновников, уровня их профессиональной компетентности, семейного и имущественного положения.

Анализ социально-экономических и социокультурных аспектов семейной жизни государственных служащих белорусских губерний второй половины XIX – начала XX века ещё не стал предметом специального изучения в отечественной и зарубежной историографии, хотя некоторые элементы в той или иной степени рассматривались исследователями [1; 2].

Основная часть. Процесс формирования семьи в Российской империи регламентировался как светскими, так и церковными законами, последние играли приоритетную роль при создании, расторжении брачного союза и в области внутрисемейных отношений.

Брачное право регламентировало условия и препятствия заключения брака независимо от социальной принадлежности брачующихся. К общепринятым условиям заключения брака относились: взаимное согласие лиц, вступавших в брак; достижение брачного возраста, который для мужчин составлял 18 лет, а для женщин – 16, и не превышение его 80 годами; единобрачие; физическая способность к брачному сожитию; отсутствие душевной болезни, запрещённых степеней родства. Запрещалось вступление в четвёртый брак. Запрещались браки между христианами и нехристианами. После эмансипации 1861 года закон не требовал согласия родителей на вступление в брак их детей, что юридически давало им больше свободы при выборе брачного партнёра. В основу этих норм закладывались принципы нравственности и физической полноценности подданных Российской империи [3, с. 1–20].

Одну из особенностей чиновничьего быта, обусловленную их социальным и материальным статусом, подчеркнул Б.Н. Миронов. Он писал: «Что касается чиновников, то они, согласно свидетельствам современников, весьма неохотно связывали себя семейными узами, многие из них оставались холостяками, и если вступали в брак, то в зрелые годы, и вследствие этого у них было меньше детей, чем в семьях других сословий». По словам автора, нижние чины связывали свою женитьбу с понижением благосостояния, следовательно, невозможностью поддерживать тот образ жизни, который соответствовал их положению в обществе [4, с. 179].

Выявление возраста, в котором чиновники белорусских губерний предпочитали создавать семьи, было сделано с той целью, чтобы выяснить, зависело ли семейное положение чиновника от его служебного статуса и материальной обеспеченности. Исследование проведено путём анализа послужных формулярных списков чиновников за 1864–1876 годы [5–8]. На основе имеющихся данных нами была составлена таблица 1. Результаты анализа, отражённые в таблице, позволяют говорить о том, что большинство исследуемой группы чиновников, точнее 59,1 % (или 156 человек из 263), были женаты, 4 % являлись вдовцами. Среди чиновников младше 25 лет преобладали холостяки. Это единственная группа, в которой чиновников, не успевших создать семью в силу своего возраста, что совершенно естественно, доминирует над женатыми. Первая возрастная категория (26–30 лет), в которой доля женатых значительно превысила долю холостых. В группе, объединившей чиновников в возрасте от 31 до 35 лет, соотношение между холостыми и состоящими в браке меняется коренным образом. Здесь, напротив, 70,1 % являются женатыми. Таким образом, чиновники в указанный период именно в данном возрасте активно обзаводились семьями. Начиная с 36 лет постепенно увеличивается доля вдовцов.

Таблица 1

Зависимость вступления в брак от возраста чиновника

Возрастные группы	Итого по группам	Холостые		Женатые		Вдовы	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
до 20 лет	16	16	100	–	–	–	–
21–25	31	24	77,4	7	22,6	–	–
26–30	48	22	45,8	25	52,1	1	2,1
31–35	54	14	25,9	38	70,1	2	3,7
36–40	44	9	20,5	33	75	2	4,5
41–45	29	8	27,6	19	65,5	2	6,9
46–50	22	2	9,1	18	81,8	2	9,1
51–55	11	2	18,2	8	72,7	1	9,1
55–60	8	–	–	8	100	–	–
61 и старше	–	–	–	–	–	–	–
Итого	263	97	36,9	156	59,1	10	4

Согласно брачному праву Российской империи вступление в брак ограничивалось рядом условий. Для чиновничества наиболее принципиальным являлось получение согласия на брак от начальства, под руководством которого чиновник служил: «Запрещается лицам, состоящим в службе как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальств, удостоверенного письменным свидетельством» [3, с. 2]. Эта норма возникла в процессе формирования бюрократического аппарата и имела цель контролировать государственных служащих как носителей государственной власти. На протяжении 1863–1868 годов работавшим в белорусских губерниях чиновникам запрещалось вступать в брак с местными уроженками без личного разрешения губернатора. Так, в 1864 году Витебское уездное казначейство ходатайствовало перед председателем Казённой палаты о дозволении бухгалтеру данного казначейства, коллежскому регистратору Андрею Карпинскому католического вероисповедания, получавшему в год содержания 480 руб., вступить в первый законный брак с дворянкой-католичкой Стефанией Мальчевской. Приданое невесты включало в себя 60 десятин земли в Борисовском уезде и 200 руб., назначенных её дядей, помещиком Полоцкого уезда. Председатель Казённой палаты, видя, что будущие супруги имеют средства для обеспечения своего существования, дал разрешение на вступление в брак и 28 октября 1864 года представил соответствующий рапорт на имя Витебского губернатора, который 2 ноября уведомил председателя Казённой палаты, что со своей стороны также не встречает препятствий, и выдал письменное свидетельство о разрешении чиновнику вступить в брак [9].

Основным социальным условием создания чиновником собственной семьи была устойчивость его общественного и материального положения. Значительная часть молодых служащих не имела достаточных средств для обеспечения семьи. Анализ материального положения 40 чиновников-холостяков в возрасте до 25 лет показал, что единственным источником их существования было содержание по службе. У канцелярских служащих оно не было фиксированным и зависело от усмотрения начальства. Его размер колебался от 99 до 144 руб. в год. Таких денег не могло хватить на жизнь даже одинокому человеку. Брак откладывался до того времени, когда молодой чиновник крепко «вставал на ноги», получал постоянное место со стабильным фиксированным доходом, начинал продвигаться по лестнице чинов, обрастал связями. Таким образом, несмотря на установленное законом разрешение жениться с 18 лет, ранние браки в чиновничьей среде были не популярны.

Брачный выбор чиновника зависел от круга социального общения. На его формировании сказывались социальное происхождение служащего, его возраст, вероисповедание, образование, место службы. Самый большой процент невест в 60, 70, 80-е годы XIX века давала дворянско-чиновничья среда (57 %), 21,7 % невест происходили из мещанского сословия. Браки с мещанками свидетельствуют, что чиновничество по своему образу жизни, интересам, кругу общения было близко к мещанству. На дочерях священнослужителей (6,3 %) обычно женились чиновники, вышедшие из той же среды. Наименьшей популярностью (2,3 %) пользовались девицы из крестьянского сословия (рис. 1).

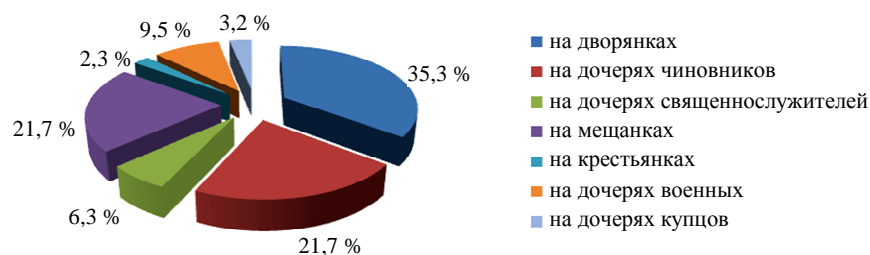

Рис. 1. Брачный выбор чиновников в 60–80-е годы XIX века

Чиновники дворянского происхождения предпочитали вступать в брак с представительницами своего сословия либо с дочерьми чиновников высших классов. В редких случаях их избранницами становились дочери мещан, купцов, священнослужителей, военных (рис. 2).

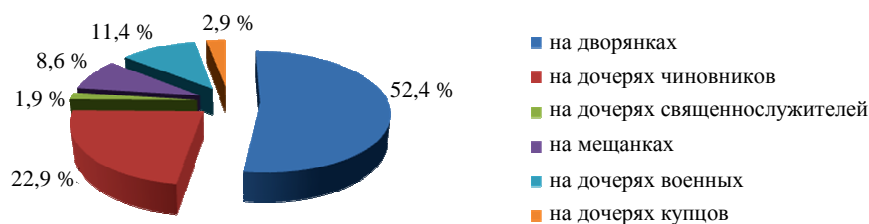

Рис. 2. Брачный выбор чиновников из дворянского сословия в 60–80-е годы XIX века

Анализ матримониальных связей чиновников, выходцев из духовенства, проливает свет на проблему их вживания в новый социальный статус, адаптации к новым условиям жизни (рис. 3).

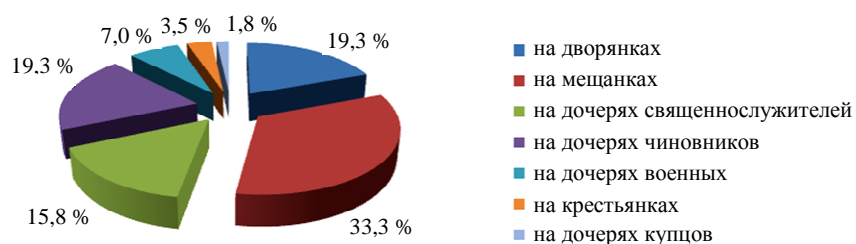

Рис. 3. Брачный выбор чиновников из духовенства в 60–80-е годы XIX века

Сыновья священнослужителей, ставшие государственными служащими, руководствовались в своём поведении правилами, диктуемыми положением государственных служащих, что подтверждается установлением родства посредством их браков с дочерьми мещан, дворян и чиновников. Браки сына священника, полицейского надзирателя города Люцина В.П. Лузгина с дочерью надворного советника [10, л. 52], а также дьяконского сына, Горецкого уездного исправника И.М. Беляева с дочерью действительного статского советника – типичные примеры матримониальных связей чиновников названного происхождения [11]. Следует отметить, что выходцы из данного сословия составляли примерно 36,7 % всех холостых чиновников, лишь незначительно уступая в этом плане служащим дворянского происхождения (37,4 %).

В начале XX века брачные предпочтения государственных служащих претерпели некоторые изменения (рис. 4). В первую очередь это было связано с изменившейся социальной структурой чиновничества белорусских губерний. Дворянство потеряло свою прежнюю роль основного поставщика кадров. Резко выросло представительство мещан, потомственных чиновников и крестьян на государственной службе. Они составили 59,3 % служащих местного государственного аппарата. Наибольшей популярностью в качестве невест у выходцев из этих сословий пользовались мещанки (52 %). Встречаются случаи заключения браков крестьян с дворянками, дочерьми священников и чиновников низших классов. Всё это говорит о том, что чиновники, происходившие из данного сословия, к выбору невесты подходили с практической стороны и рассматривали брак в качестве важного канала социальной мобильности. Служащие дворянского происхождения по-прежнему предпочитали вступать в брак с дворянками и дочерьми чиновников [5–8; 12].

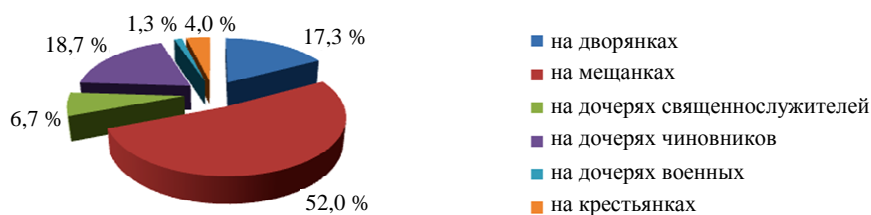

Рис. 4. Брачный выбор чиновников в начале XX века

К числу условий для заключения брака относилось также требование соответствия вероисповедания брачующихся лиц. Действовавшее законодательство второй половины XIX – начала XX века запрещало браки между православными и раскольниками, а также между православными, католиками и греко-униатами,

с одной стороны, и нехристианами – с другой. Также запрещались браки между протестантами и язычниками. При совершении браков православных с иноверцами «Свод законов гражданских» требовал соблюдения ряда условий: 1) чтобы неправославные давали подписку, что не будут ни поносить своих супругов за принадлежность к православию, ни склонять их к принятию своей веры и что рожденные в браке дети будут крещены и воспитаны в правилах православного исповедания (подписка должна была браться священником перед совершением брака); 2) чтобы при совершении брака были соблюдены все правила, установленные для браков между православными; 3) чтобы браки совершались в православной церкви по православному обряду [3, с. 13–14].

Обычно в чиновничьих семьях белорусских губерний муж и жена принадлежали к одному вероисповеданию. Однако встречаются случаи и межконфессиональных браков. По данным формулярных списков за 1864–1876 годы из 156 семей, выявленных в среде губернского и уездного чиновничества, смешанные пары составляли 16,7 %. В основном это браки православных с представительницами католического и лютеранского вероисповедания. Большая часть чиновников, состоящая в смешанных браках (53,8 %), принадлежала к дворянскому сословию. Чиновники, происходившие из среды священнослужителей, с целью повышения своего социального статуса и окончательного выхода из своей сословной группы нередко вступали в брак с дворянками-католичками. Так, сын священника, окончивший духовную семинарию, секретарь Речицкой городской думы в чине X класса, Игнатий Залеский был женат на помещицкой дочери католического вероисповедания.

На образ жизни чиновников влияло не только семейное положение, но и наличие детей. Для исследования данного вопроса были привлечены формулярные списки чиновников белорусских губерний за 60–90-е годы XIX века. Данная группа, таким образом, включала тех, кто уже состоял на государственной службе определённое время, и тех, кто только начинал в указанное время свою бюрократическую деятельность. Последние тем самым являлись представителями местной бюрократии начала XX века. Из 485 чиновников детей имели 237 (48,9 %) женатых и вдовых. Следовательно, бездетных чиновников насчитывалось 248 человек (51,1 %), из них 167 (34,4 %) холостых и 81 (16,7 %) женатых и вдовых (рис. 5).

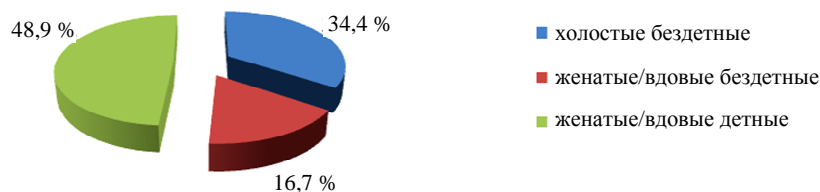

Рис. 5. Соотношение детных и бездетных чиновников в 60–90-е годы XIX века

В таблице 2 представлены данные относительно количества детей в семьях государственных служащих белорусских губерний.

Таблица 2

Количество детей в семьях чиновников белорусских губерний в 60–90-е годы XIX века

Количество семей	Количество детей					Итого
	1–2	3	4	5	6 и больше	
абс.	111	43	34	24	25	237
%	46,8	18,1	14,3	10,1	10,5	100

В семьях чиновников независимо от их социального происхождения было, как правило, один или два ребёнка. В рассматриваемый период их доля достигла 46,8 % от общего числа детных семей. Наличие 3–4 детей было характерно для 32,4 %. Что касается семей с 5-ю и более детьми, то в изучаемый период они составляли 20,6 %. Многодетность (5 и более детей) была популярна среди чиновников, происходивших из дворянской среды. Это объясняется относительным благосостоянием дворянских семей, лучшим уходом за детьми и, соответственно, снижением детской смертности. Чиновники, в прошлом принадлежавшие к духовному сословию, по полученным нами результатам имели, как правило, не более трёх детей или вовсе оставались бездетными. Можно предположить, что у лиц, которые выросли в среде духовного сословия, но стали членами другого социального слоя – чиновничества, изменился тип демографического поведения.

Появление ребёнка не всегда было желанным событием. Высокая доля бездетных чиновников (51,1 %) и семей с 1–2 детьми (46,8 %) свидетельствует о стремлении чиновников ограничить деторождение, так как жалования, единственного источника доходов для большинства служащих, не всегда хватало на содержание многодетной семьи.

Для комплексного изучения модели демографического поведения чиновничества второй половины XIX – начала XX века необходимо рассмотреть причины и способы прекращения браков.

Согласно церковному и гражданскому праву естественной причиной прекращения брачного состояния являлась только смерть одного из супругов.

По данным формулярных списков за 1864–1876 годы доля вдовых чиновников составляла около 4 % от общего числа чиновников и канцелярских служащих белорусских губерний. Однако выявить реальный уровень вдовства в чиновничьей среде достаточно проблематично, поскольку формулярные списки содержат сведения о служащих чиновниках и не учитывают чиновников в отставке. Поэтому можно предположить, что в действительности доля вдовых была значительно выше. Чиновник мог стать вдовцом в довольно раннем возрасте. Случалось, чиновничья жена умирала при первых родах, т.е. примерно через год после свадьбы. Если учесть, что на протяжении изучаемого периода брачный возраст варьировался от 21 до 30 лет, то чиновник мог овдоветь к 26–30 годам. В более старших возрастных группах доля вдовцов увеличивалась. В 60–70-х годах XIX века среди чиновников 41–45 лет вдовых насчитывалось около 7 %, 51–55 лет – 9,1 % (см. табл. 1). Потеря супруга сопровождалась не только тяжёлыми переживаниями, но и множеством трудностей. Во-первых, проблематичным было ведение хозяйства без женщины и воспитание детей без матери, во-вторых, к вдовцам недоброжелательно относилась общественность. Под влиянием семейно-бытовых трудностей и общественного мнения вдовцы стремились к вступлению в новый брак.

Закон допускал возможность расторжения брака. Брак признавался недействительным по строго определённым основаниям: при нарушении условий вступления в брак, по причине доказанного прелюбодеяния, неспособности к брачному сожителству, смерть или безвестное отсутствие супруга в течение пяти лет, вступление одного из супругов в монашество, лишение одного из супругов гражданских прав. Для лютеран дополнительными основаниями развода были сумасшествие, заразная болезнь, развратная жизнь. У католиков брак считался принципиально нерасторжимым. У мужчин-мусульман препятствий к разводу не существовало, развод же для женщин был невозможен. Но даже эти основания были ограничены церковью настолько, насколько это было возможно. При изучении материалов Минской, Могилёвской и Полоцкой духовных консисторий были обнаружены единичные случаи обращения чиновников либо их жён за разводом.

В 1867 году Борисовский уездный исправник И.Н. Писарев обратился к епархиальному начальству с просьбой о расторжении брака с женою Марией Александровной из Куликовых из-за прелюбодеяния последней. Заявитель писал в своём прошении: «17 апреля 1857 г. вступил в законный брак с дочерью коллежского асессора девицею М.А. Куликовой, и прожив с ней 10 лет, имею от неё двух дочерей 9-ти и 4-х лет, которые ныне состоят при мне. 4 мая 1867 г. моя жена, вступив в преступную связь с поручиком К.Э. Кирхоглани, без всякого с моей стороны повода, чему могут служить доказательством прилагаемые письма жены, оставила мой дом и уехала в местечко Койданово Минского уезда, где публично жила с ним. В настоящее время её местонахождение мне не известно. Будучи оскорблён в достоинстве супруга и имея в виду, что незаконно прижитые женою моей с поручиком дети будут неправильно носить мою фамилию и могут в ущерб законным дочерям моим предъявлять права свои на оставшееся после моей смерти наследство, всеподданнейше прошу расторгнуть брак мой с М.А. Куликовой, запретив ей носить мою фамилию и разрешить мне как невинному в этом прелюбодеянии вступить в новый брак». Однако Минская духовная консистория не удовлетворила это прошение, так как И.Н. Писарев не сообщил точное место жительства жены [13].

Согласно законодательству главными доказательствами прелюбодеяния обвиняемого супруга являлись показания двух или трёх свидетелей и «прижитие» внебрачных детей. Чистосердечное признание виновника в счёт не принималось.

В 1914–1915 годах Могилёвская духовная консистория рассматривала бракоразводное дело на основании доказанного прелюбодеяния. 3 июля 1914 года истец Ф.И. Беккаревич подала прошение в консисторию с просьбой о расторжении брака с её мужем, чиновником Могилёвского отделения Крестьянского поземельного банка, губернским секретарём И.В. Беккаревичем. К данному прошению были приложены: 1) метрика о браке, 2) копия самого прошения, 3) квитанция Могилёвского казначейства об уплате 1 руб. 80 коп. исковых пошлин, 4) 2 руб. 25 коп. гербового сбора. Из представленной истицею метрической выписки о браке было видно, что супруги Беккаревич 27 и 20 лет, православные и первобрачные, повенчаны причтом Могилёвского кафедрального собора 28 октября 1912 года.

В виду несостоявшегося между супругами примирения, по постановлению епархиального начальства они были вызваны в Присутствие консистории на судоговорение 5 сентября 1914 года, на котором дали свои показания. Истица, что примириться и жить с мужем не желает, обвиняет его в прелюбодеянии с посторонними женщинами, но указать с кем именно не может. В доказательство измены мужа просит допросить свидетелей: чиновника Могилёвского губернского правления В.С. Россовского, фельдшера губернской земской больницы В.И. Сепежинского и отчима её Ф.И. Покладу. Ответчик заявил, что примириться и жить с женой не желает, виновным себя в прелюбодеянии с посторонними женщинами признаёт, но указать с кем именно не хочет.

Указанные истицею свидетели В.С. Россовский и Ф.И. Поклад показали, что в июне месяце 1914 года они вместе с Иосифом Беккаревичем находились в ресторане «Роскошь» в отдельной комнате. Через

некоторое время к ним в номер зашла какая-то женщина, кто её пригласил, они не помнят. Женщина эта, по их мнению, была проституткой. Побыв в номере, где они с ней выпивали и закусывали, свидетели отлучились в биллиардную комнату. По возвращении обратно в номер они застали Беккаревича совершавшим акт полового совокупления с находившейся в номере женщиной. Дверь комнаты была закрыта, но не заперта на ключ.

Фельдшер В.И. Сепежинский показал под присягой, что супруги Беккаревич после брака жили не долго, а потом из-за разладов разошлись. Он неоднократно слышал от посторонних лиц, что ответчик нарушает супружескую верность, и хотя сам не был очевидцем акта прелюбодеяния, уверен, что Беккаревич несомненно нарушал и нарушает супружескую верность.

Решением епархиального начальства от 21–26 января 1915 года за № 18 постановлено: «брак Филониллы Иосифовны с мужем чиновником И.В. Беккаревичем, заключенный 28 октября 1912 г., по нарушению последним святости оного прелюбодеянием, согласно просьбе истца, расторгнуть и разрешить Филонилле вступить в новый брак, а И. Беккаревича, как лицо виновное, подвергнуть 7-летней епитимьи, по выполнении которой разрешить и ему вступить в новое супружество». Данное решение было утверждено 18 августа 1915 года Святейшим Правительствующим Синодом и вступило в законную силу [14].

Таким образом, двое свидетелей стали очевидцами акта прелюбодеяния. Кстати, третьим свидетелем супружеской измены должен был выступить служащий в конторе Могилёвской губернской больницы Тимофей Васильев. Однако его призвали на фронт, и вместо него истцу пришлось пригласить фельдшера В.И. Сепежинского, который непосредственным свидетелем измены не являлся. Вместе с тем обстоятельства дела наводят на мысль о заранее спланированной пикантной ситуации. Во-первых, число друзей было именно тем, которое требовалось законом для доказательства очевидности прелюбодеяния. Во-вторых, супруги сами хотели расторгнуть свой брак, о чём говорят их отказ от примирения и признание Иосифом Беккаревичем своей вины. Вся процедура по расторжению брака заняла, как мы видим, более года.

В 1909 году Могилёвской духовной консисторией рассматривалось дело о разводе канцелярского служащего Могилёво-Черниговского управления земледелия и государственных имуществ Е.Ф. Пастушенко с мещанкой В.Г. Швем. В своём прошении Е.Ф. Пастушенко писал: «ввиду того, что жена моя оставила совместное жительство со мной под влиянием своей матери, склонявшей меня принять католичество и, кроме того, по собственному признанию жены, она ещё до вступления в брак предавалась в течение четырёх с половиной лет девическому пороку, результатом чего явилось болезненное раздражение у неё половой сферы, я в настоящее время не нахожу возможным продолжать с ней совместную жизнь. Покорнейше прошу, Ваше Преосвященство, не признаете ли Вы возможным ввиду нежелания моего перейти в католичество, расторгнуть брак» [15]. Конечно же, Духовная консистория отклонила просьбу Пастушенко из-за отсутствия законных причин к расторжению брака.

Во второй половине XIX века бракоразводная процедура сопрягалась с множеством нюансов, делавших развод недостижимой целью. Развод был относительно дорогостоящим процессом для людей со скромным достатком. Официальные документы требовали уплаты исковых пошлин в размере 4 руб. 83 коп. Это было довольно солидной суммой, и не каждый потенциальный истец, недовольный своими супружескими отношениями, мог позволить себе подобные затраты.

Однако кроме формального развода, который было очень сложно получить, существовали «самовольные разводы», которые церковью не санкционировались. Дать им количественную оценку невозможно, поскольку они не регистрировались, но можно предположить, что их число значительно превышало число разводов. Неформальный развод представлял собой раздельное проживание супругов, однако по закону мужа продолжали нести бремя ответственности за свою семью, в первую очередь материальную.

В 1869 году помещица Теофилия Мейштович обратилась к архиепископу Минскому Александру с жалобой на мужа коллежского асессора Адольфа Мейштовича, который вёл аморальный образ жизни с минской мещанкой Марией. Доведённая до отчаяния женщина писала: «Муж мой, А. Мейштович, прожив со мной 30 лет и дождавшись внуков, забыв про меня и детей своих, предался блудной жизни с выкrestкой Марией, мещанкою города Минска православного исповедания, с которой раньше проживал в городе, а потом, лишив меня средств к жизни и оставив на произвол судьбы, съехал вместе с ней в имение Улесе Борисовского уезда. О расторжении блудной жизни моего мужа с упомянутой мещанкой я обращалась в Минскую римско-католическую духовную консисторию, однако местный ксёндз, действуя в угоду моему мужу, сообщил, что Мария является ключницей, и поэтому консистория оставила моё прошение без удовлетворения». Минская духовная консистория приказала священнику Березинской Свято-Духовской церкви выяснить, находится ли в данном имении выкrestка Мария, исполняет ли она обязанности по правилам христианской церкви и не подозревается ли она в дурном поведении. Священник 4 мая 1869 года сообщил в консисторию, что явных улик о блудной жизни мещанки Марии нет [16]. Вопрос о самовольном раздельном проживании супругов оставался открытым.

Заключение. Процесс формирования чиновничьей семьи во второй половине XIX – начале XX века регламентировался светским и церковным правом. Условия заключения и расторжения брака попадали

под церковную юрисдикцию и отличались крайним консерватизмом. Убежденность церкви в неразрывности брачных уз препятствовала распаду даже самых неблагополучных семей. Принципиальным отличием для чиновничества была необходимость в получении разрешения начальства на вступление в брак. В рассматриваемый период происходило повышение брачного возраста чиновников, увеличение общей доли холостяков и окончательно безбрачных, сглаживание сословных и конфессиональных различий при выборе брачного партнёра. Распространение бездетных семей и семей с 1–2 детьми свидетельствует о начавшемся процессе регулирования деторождения и ослаблении религиозных норм в семейной жизни. Всё это говорит об отходе от традиционной модели демографического поведения и отличии чиновничества от других слоёв населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоренко, Б.И. Могилёвский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилёв: АмелияПринт, 2012. – 252 с.
2. Бусько, С.И. Структура и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси (конец XIX – начало XX в.) / С.И. Бусько. – Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2010. – С. 9–18.
3. Свод Законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный: в 15 т. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 3, ч. 1: Уставы о службе гражданской. – 604 с.
4. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 547 с.
5. Формулярные списки о службе чиновников Могилёвской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 940, 966, 1006, 1034, 1035, 1048, 1050, 1063, 2144.
6. Формулярные списки о службе чиновников Минской губернии // НИАБ. – Фонд 299. – Оп. 7. – Д. 226, 227, 235, 236, 238, 242, 254, 255, 265, 281–283, 293–296, 302–307, 312–315, 403, 404, 416, 419.
7. Формулярные списки о службе чиновников Витебской губернии // НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 13096, 13099, 15042, 15248, 15255, 15511, 15512, 22784, 23057, 24960, 25219.
8. Формулярные списки о службе чиновников Гродненской губернии // НИАБ (Гродно). – Фонд 2. – Оп. 37. – Д. 2305, 2306, 2308.
9. О дозволениях разным служащим вступать в брак // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31772.
10. Формулярные списки о службе чиновников Витебского губернского правления // НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 16406.
11. Формулярные списки и ведомости о служащих в Могилёвской губернии по ведомству МВД, представленных для рассмотрения к награде // НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1369.
12. Формулярные списки членов и чиновников Могилёвского губернского правления за 1914 г. // НИАБ. – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 675.
13. Дело по прошению Борисовского уездного исправника И. Писарева о разводе в связи с аморальным образом жизни жены // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31871.
14. Дело о разводе бухгалтера Могилёвского отделения Крестьянского поземельного банка И.В. Беккаревича с женой, урождённой И.Ф. Батуриной // НИАБ. – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 682.
15. Дело о разводе канцелярского служащего Могилёво-Черниговского управления земледелия и государственных имуществ Е.Ф. Пастушенко с мещанкой В.Г. Швем // НИАБ. – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 214.
16. Дело о ведении аморального образа жизни коллежским ассессором А. Мейштовичем с минской мещанкой Марией // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 32836.

Поступила 30.06.2014

**MATRIMONIAL BONDS AND DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF CIVIL OFFICERS
IN BELARUSIAN PROVINCES (1864–1914)**

A. KUZMIN

The article is dedicated to legal norms of forming of civil officer's family at the 2nd half of 19th – the beginning of 20th centuries. Fundamental difference for civil officers is necessity to receive the permission to get married from their chiefs. The age preferable for civil officers to create a family has been revealed. The factors influencing on a marriage partner choice have been identified. The data regarding the number of children born in civil officer families of Belarusian provinces has been provided. The reasons and ways of marriage breakup have been described by giving specific examples. It is concluded that there is a particular model of marriage behavior in civil officer's life.